

С.А. Кожина

Полемика с соцреалистическим каноном в ранней прозе Б. Грабала и Й. Шкворецкого

Аннотация: В статье анализируются коренные изменения, характерные для поэтики произведений 1960-х гг., в сравнении с произведениями предшествующего периода господства метода соцреализма. Материалом послужили рассказы Б. Грабала (сборник «Жемчужинки на дне» 1963 г.) и роман Й. Шкворецкого («Малодушные» 1958 г.). Данные тексты, написанные в конце 1940-х – начале 1950-х гг., позволяют увидеть, какие особенности литературного процесса 1960-х гг., не получившие последовательного выражения в текстах 1950-х гг. в связи с процессом политизации культуры, начали развиваться уже сразу после 1948 г. Анализ проведен по ряду критериев, в которых, на наш взгляд, наиболее отчетливо проявилась полемика с каноном социалистического реализма: модальность повествования (поэтика и композиция), образ героя и язык.

Ключевые слова: История зарубежной литературы, чешская литература, XX век, соцреалистический метод, 60-е годы, Б. Грабал, Й. Шкворецкий

Abstract: The article examines some fundamental changes which can be found in the poetics of works of the 60s in comparison with the works of the previous period of Socialist Realism. The material of this article is based on a story by B. Hrabal (collection „Pearls of the Deep“ 1963) and the novel by J. Škvorecký („The Cowards“, 1958). The fact that these texts were written in the late 40's and early 50's, helps us to trace what kind of processes began immediately after 1948, but didn't get a consistent maturity in the texts of 50's because of culture politicization. The analysis was carried on a number of criteria in which, in our opinion, more obviously the controversy with the canon of socialist realism was shown. They are modality of narration (poetics and composition), the image of the hero, and language.

Key words: History of foreign literature, Czech literature, XX century, socialist realism, 60's, B. Hrabal, J. Škvorecký

Многие исследователи чешской литературы 1960-х гг., анализируя изменения, происшедшие в проблематике, композиции и в поэтике текстов, отмечали, что в это время чешская литература продолжила развивать многие процессы, актуальные для межвоенного периода и первых лет после Второй мировой войны, но прерванные революцией 1948 г. (см. [Zlatá šedesátá 1999]). В этой связи кажется симптома-

тичным и то, что многие произведения, написанные в середине – конце 1940-х гг., были не только опубликованы в 1960-е гг., но и приобрели невероятную популярность у читателя. Одними из них были отобранные нами для анализа произведения Б. Грабала (сборник «Жемчужинки на дне» 1963 г.) и Й. Шкворецкого («Малодушные» 1958 г.). Точную дату написания каждого произведения установить трудно. Так, например, сборник Грабала, в котором были собраны произведения 1940-х гг., в том числе рассказ «Жаворонки на нитке» (1959 г.) был рассыпан в печати. Рассказы из этого сборника и были опубликованы в «Жемчужинке на дне», но установить точную датировку каждого из них достаточно проблематично. Что касается романа Шкворецкого, то известно, что автор начал работу над ним уже в 1948 г. Рукопись была окончена в сентябре 1949 г. [Jak vznikali Zbabělci 2008].

В своей статье мы хотели бы показать не только те изменения, которые привнесли в литературу произведения 1960-х гг., но и закономерности поэтики тех лет, которые свидетельствовали о восстановлении естественного литературного процесса и возвращении чешской литературы в общеевропейский контекст. Для этого мы хотели бы провести сравнительный анализ произведений 1960-х гг. с произведениями социалистического реализма по ряду критериев, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко проявилась полемика с каноном. Конечно, предложенная нами для этого попытка систематизации соцреалистической эстетики схематична и не охватывает весь арсенал метода, однако анализ произведений 1960-х гг. по этим аспектам поможет определить, какие именно качественные сдвиги произошли в композиции, системе персонажей и общей поэтике текстов.

1. Модальность повествования

Новая эстетика конца 1940-х гг. основывалась на классическом реализме XIX в. Однако за реалистичностью действия скрывалось выражение совершенно определенных идей. Соцреализм стремился к созданию образца для действительности – того, «как должно быть». По своим стилистическим особенностям и средствам выразительности произведения возвращались к уже сконструированному прошлому: народным мотивам в поэзии и изобразительном искусстве, «неоклассицистическим», историческим элементам [Соцреалистический канон 2000: 11]. Подобные установки превращали произведения в выверенный до мелочей конструкт.

Коренные изменения стали возможны только после перемен в политической сфере. В ответ на это уже в 1953–1954 гг. развернулась критика схематизма и догматизма в литературе. Восстановленное жанровое многообразие способствовало принесению в литературу ранее запрещенных тем и расширило влияние субъективных пристрастий авторов. Начался процесс поиска новых художественных средств и приемов, которые бы смогли зафиксировать сменяющие друг друга с невероятной скоростью события. С 1960-х гг. в произведениях входит прием коллажа и монтажа.

Именно этот прием, заимствованный у сюрреалистов, лег в основу поэтики Б. Грабала 1960-х гг. В эти годы в свет выходят сборники ранних произведений автора, 1940-х гг., которые в свое время не были допущены к печати. Главным в использовании приема коллажа для Грабала оставалось стремление передать картину «живой», бесконечно изменяющейся жизни. Рассказы Грабала становились «карнавалом», где тесно переплетаются, дополняя друг друга, мотивы радости и печали, смерти и рождения.

Это естественным образом находило отображение в композиции произведений. Так, рассказ «Обманщики» полностью лишен авторских ремарок и состоит целиком из диалога двух действующих лиц, которые рассказывают друг другу разрозненные воспоминания их прошлой жизни. Один из героев выдает себя за известного оперного певца, второй – за популярного журналиста. Грабал как будто просто записывает реплики персонажей, не делая никаких ремарок. Это попытка полного отстранения автора от повествования. Каков мир вокруг героев, мы можем представить, основываясь только на их абсурдном и болезненном восприятии:

– Дружище, может, медсестру позвать?

– Нет-нет, что угодно, но только не это. «Принцесса чардаша» – вот где у меня была коронная роль! Я ведь и женился так же, как Бони. Когда после войны мясо было только по карточкам, одна знатная дама предложила мне карточек на шесть килограммов, и я, как только вообразил себе всю эту мясную грудку, тут же при свидетелях написал на бумажной салфетке обещание жениться на этой даме. И таки сдержал свое слово! «Сотни райских ангелочков, я влюблен, я влюблен!..» [Грабал Б. 2010: 92]

Для Грабала примечательным остается то, что истина жизни открывается именно в абсурдном сочетании, казалось бы, несочетаемых явлений. Однако за видимой хаотичностью расстановки разрозненных элементов сюжета скрывается продуманное их выстраивание с целью создания общей картины мира.

В контексте 1960-х гг. коллаж приобрел еще один специфический оттенок: Грабалу удалось путем дробления действия на сегменты лишить произведение однозначности, единственно правильного понимания. Это противоречило общей установке соцреалистической эстетики на дидактизм и создание единственно верной инструкции к жизни.

В сравнении с рассказами Грабала роман Й. Шкворецкого «Малодушные» (1958 г.) кажется классическим по композиции и поэтике: повествование охватывает 8 дней народного восстания против фашистской оккупации в мае 1945 г., в котором каждый день образует отдельную главу. В целом, можно сказать, что по выбранной автором типичной тематике борьбы против фашистских оккупантов и классической композиции роман мог считаться лишь примером реформ в каноне социалистического реализма. Однако первое его издание в 1958 г. обернулось настоящим скандалом. Роман был назван «оскорбляющим священные для общества понятия и оскверняющим честь Красной армии» [Škvorecký J. 1964: 7]. Он вскоре был запрещен и изъят с рынка. Роман вернулся к читателю в сильно измененном варианте только в 1964 г.

Основным объектом критики стало то, под каким углом преподносятся великие исторические события. Шкворецкий сделал повествователем молодого, двадцатидвухлетнего идеологически не подкованного юношу, увлекающегося английским языком, девушками и джазом. Отдавая все повествование своему «неидеальному» с точки зрения официальной идеологии герою (роман написан в *ich-forme*), Шкворецкий полностью исключает из текста фигуру объективного повествователя. Всеведущий повествователь конца 1940-х – начала 1950-х гг. не только формировал портреты персонажей, но и вел всё действие к определенному, однозначно желаемому финалу. Под углом зрения главного героя Дании повествование превращается в калейдоскоп отдельных индивидуальных судеб, частных элементов, обрывков. Шкворецкому удалось благодаря такому неявному, но все же дроблению сюжета на отрывки, выхватываемые из общего потока жизни про-

стым, не лишенным изъянов человеком, превратить текст в обобщение. Разрозненные элементы объединяются в образ городка в конце войны и, что еще более важно, собирательный образ юношества [Kosková H. 1996: 70].

Переход к персонифицированному рассказчику, непосредственному участнику событий, способствовал демифологизации произведения. Появлялась возможность существования нескольких точек зрения на происходящие события, и, как следствие, неоднозначность трактовки. Таким образом, и в рассказах Грабала, и в романе Шкворецкого обнаруживается общее стремление к преодолению дидактизма в литературе, отказ от создания «образца», переход к созданию коллажа из элементов реальности, утверждению возможности существования множества точек зрения.

2. Образ героя

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. неотъемлемым атрибутом персонажа являлся героизм в прямом смысле этого слова: герой – человек, совершающий героические поступки [Соцреалистический канон 2000: 13]. Во многом именно на этом зиждился открытый дидактизм соцреалистических произведений: следуя своему стремлению создавать образец для действительности, они находили в портрете персонажа реализацию такого образца. В герое соцреалистического произведения изначально заложены все необходимые и «правильные» черты.

Герои Грабала, напротив, многоплановы, они лишены изначально заданных характеристик. Они – дети, наблюдающие за миром отстраненным взглядом, лишенным навязанных оценок и суждений. Уже в продемонстрированном нами отрывке наблюдается комичное несовпадение ожидаемой оценки событий с оценкой, которую дают персонажи. Они как будто живут в ином пространстве, где действуют другие законы. В некотором смысле это действительно так: в портретах грабаловских героев словно сливаются воедино все мелкие черточки, составляющие сущность каждого реального человека, гиперболизируются и творят некую «над-личность».

Возвращаясь к портрету Данни в романе Шкворецкого, нужно отметить его молодость. Шкворецкий сделал главным героем молодого человека не случайно. Конечно, сыграла свою роль фигура самого автора, которому на момент написания романа исполнилось двадцать четыре. Но всё же главным остается то, что молодость дает Данни преимущество, объединяющее его с героями Грабала: он не имеет изначально заложенной в него центральной идеи. Автор не наделил его знанием «как нужно», а дал полную свободу искать себя. При выборе пути или принятии решения Данни руководствуется эгоистичными мотивами. Как все молодые люди, он подсознательно сопротивляется любому моральному давлению со стороны взрослых. Инстинкт молодого человека дает ему возможность наблюдать за тем, что делают «взрослые» со стороны, обнаруживая комичные, а иногда и просто фальшивые моменты их поведения: «Они выглядели, скорее, как клуб туристов, приготовившийся к общему турпоходу. Но это была армия. Это были повстанцы. Ничего не поделаешь. Во главе армии стоял полковник Чемелик, а главнокомандующим был доктор Шабата. Это была армия» [Škvorecký J. 1964: 91].

3. Язык

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. на передний план вышел нейтрально-книжный стиль. До середины 1950-х гг. использование обиходно-разговорного языка в произведении служило созданию, как правило, негативной характеристики персонажа (см. [Соцреалистический канон 2000: 556–557]). Однако уже с сере-

дины 1950-х гг. произошло резкое изменение отношения авторов к нелитературным формам существования языка.

Стирание границы между высоким и низким, литературной нормой и разговорными элементами позволило Грабалу создавать в своих рассказах причудливые языковые контрапозиции. Язык становится способом «фотографирования» действительности, передачи «живой жизни» во всей ее полноте.

Несколько большую нагрузку несут элементы обиходно-разговорного языка у Шкворецкого. Язык для него становится средством разрушения идиллической картины мира, фальшивого героизма – способом открытия истины. Таким «борцом за истину» и становится Данни. Инстинкт молодого человека помогает ему обнаружить внутреннюю пустоту слов, ощутить, что большая часть из них не более чем маски: «Я вспомнил о несчастном Гробе, который так послушно стоял в очереди на запись в армию, а потом остался неподвижно лежать в траве. Если кто-нибудь, так только он чего-то стоил. Но мне не хотелось говорить о нем только как о патриоте. Он этого не заслужил. Патриоты были Юнгвирт и Махачек, и Калдон, и те, другие. Те, у кого был патент, позволяющий им это. Но Гроб не был. Он был что-то лучшее» [Škvorecký J. 1964: 330]. По сути, герой не имеет ничего против того, чтобы быть патриотом: он лишь видит, что под видом одного слова скрывается совершенно иное понятие.

Описывая специфику литературы 1960-х гг., мы обращались к некоторым приемам и средствам, заимствованным из литературы межвоенного периода, таким как сюрреализм, и связанным с ними технике коллажа и монтажа, нарушению традиционной схемы композиции и т. д. Трансформации, которые претерпели эти элементы в 1960-е гг., могут стать материалом для дальнейшего исследования. На наш взгляд, нельзя прямо провести параллель между произведениями, написанными, но не изданными в конце 1940-х гг., и произведениями, рожденными уже в 1960-е гг., однако определенное сходство в них довольно легко обнаружить. Объясняется это именно тем, что эти произведения были как бы законсервированы более чем на десятилетие, а ворвавшись в поток каноничных произведений 1950-х гг., привнесли в литературный процесс многие сохраненные в них тенденции, которые будут развиваться в течение последующего десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

Грабал Б. 2010 – *Грабал Б., Bambini di Praha 1947: Повесть, рассказы* / Пер. с чеш. И. Безруковой. М.: Калганов, 2010. 122 с.

Соцреалистический канон 2000 – Соцреалистический канон: сб. науч. ст. / Общ. ред.: Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Jak vznikali Zbabělci 2008 – *Jak vznikali Zbabělci* [elektronický přístup: <http://dejinyasoucasnost.cz/archiv/2008/12/jak-vznikali-zbabelci/>] // *Dějiny a současnost*. Praha, č. 12. 2008.

Kosková H. 1996 – *Kosková H. Hledání ztracené generace*. Praha: Nakladatelství a vydavatelství Komenského, 1996. 223 s.

Škvorecký J. 1964 – *Škvorecký J. Zbabělci*. Praha: Československý spisovatel, 1964. 356 s.

Zlatá šedesátá 2000 – *Zlatá šedesátá. Česká literatura, kultura a společnost v letech tání, kolotání a... zklamání: materiály z conference pořádané Ústavem pro českou literaturu AV ČR 16. – 18. Června 1999 v Praze*. Praha: ÚČL AV, 2000. 420 s.

REFERENCES

Hrabal B. 2010 – Hrabal B. *Bambini di Praha 1947: Tale, Stories / Translate from Czech* I. Bezrukova. Moscow. Kalganov Publ. 2010. 122 p.

Canon of Socialist realism 2000 – *Canon of Socialist realism: collected articles / (Eds.)* H. Hunter, J. Dobrenko. St.-Petersburg. Academic project Publ. 2000. 1040 p.

Kosková. H. 1996 – Kosková H. (1996) *Hledání ztracené generace*. Praha. Nakladatelství a vydavatelství Komenského 223 s.

Jak vznikali Zbabělci 2008 – *Jak vznikali Zbabělci* [elektronický přístup: <http://dejinyasoucasnost.cz/archiv/2008/12/jak-vznikali-zbabelci/>] // *Dějiny a současnost*. – Praha, č. 12. 2008.

Škvorecký J. 1964 – Škvorecký J. (1964) *Zbabělci*. Praha. Československý spisovatel. 356 s.

Zlatá šedesátá 2000 – *Zlatá šedesátá*. Česká literatura, kultura a společnost v letech tání, kolotání a ... zklamání: materiály z conference pořádané Ústavem pro českou literaturu AV ČR 16. – 18. Června 1999 v Praze. Praha. ÚČL AV. 2000. 420 s.

Сведения об авторе:
Светлана Анатольевна Кожина,
студентка
ИФИ ИФФ РГГУ

Svetlana A. Kozhina,
Student
Russian State University for the Humanities
lana-0391@mail.ru